

УДК 811.161.1'373.23

Логико-философские взгляды на личное имя

Скробнева Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Проблемы номинации, начиная с трудов древнегреческих и древнеримских ученых, неразрывно связаны с глубинными аспектами существования мира и Бога, воспринимаются не только как лингвистические, но и как логико-философские. В статье рассматриваются некоторые логико-философские концепции личного имени, оказавшие значительное влияние на развитие ономастики. Основное внимание уделяется философским системам родоначальника античного идеализма Платона, представителей философии имени А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского, ведущего теоретика деконструктивизма Ж. Деррида. Подчеркивается значимость для современной лингвистики наблюдений над языком философов-имяславцев (поворот к антропологической ориентации в изучении языка, повышенное внимание к проблеме символа, раскрытие природы языка внутри философии как общая методологическая основа анализа языкового материала, идеи о ведущей роли языка в формировании культуры).

Ключевые слова: личное имя, логика, номинация, ономастика, связь имени с денотатом, философия.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 156–162)

Logical and philosophical views on the personal name

Skrebneva T.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

Starting with the works by the scientists of Ancient Greece and Rome, the issues of nomination are inseparably linked with deep aspects of the existence of the world and God and apprehended not only as linguistic but also as logical and philosophical ones. Some logical and philosophical conceptions of the personal name, which influenced the development of onomastics, are described in the article. Special emphasis is placed on the philosophical systems created by Plato who was the founder of ancient idealism, A.F. Losev and P.A. Florensky, the representatives of the Name philosophy, and J. Derrida, the leading theorist of deconstructivism. The importance of the research in name-extolling philosophers' language (the turn to the anthropological direction in language study, higher attention on the problem of the symbol, exposure of the language nature in philosophy as the general methodological basis of the analysis of the language material, the idea of the language leading part in the forming of the culture) for the modern linguistic science is accentuated.

Key words: personal name, logics, nomination, the connection between the name and the denoted object, philosophy.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 156–162)

Практически с самых ранних стадий существования языкознания возникает его тесная связь с философией и логи-

кой. Господствующие философские направления той или иной эпохи неизменно оказывали влияние на лингвистическую теорию.

Адрес для корреспонденции: e-mail: skrebnev@gmail.com – Т.В. Скробнева

Ономастика – сравнительно молодая специальная языковедческая дисциплина: самостоятельный научный статус она обрела в 30-е гг. XX в., однако «отношение к имени собственному как к важнейшей составляющей человеческого существа и как к форме его проявления» является одним из «универсальных наднациональных культурных архетипов» [1, с. 103], в равной степени значимых для разных типов сознания, начиная с мифологического.

Цель данной статьи – аналитический обзор и систематизация существующих зарубежных и российских концепций личного имени с периода античности до начала XXI века.

Материал и методы. В качестве материала исследования использовались философские сочинения ряда авторов, а также научные работы, посвященные их толкованию (они отражены в списке литературы). Основным методом исследования является дескриптивный, представленный приемами интерпретации и обобщения.

Результаты и их обсуждение. Истоки проблемы когнитивного потенциала имени уходят в спор об истинности имен и пригодности их для обозначения вещей, разгоревшийся в античной философии. Древнегреческие ученые в силу концентрации исследовательского интереса на вопросах методологии познания обычно оперировали нерасчлененной категорией «имя» и противопоставляли принцип «правильности» имен по природе (*Гераклит Эфесский, стоики: Августин, Хрисипп, Кратес Малосский* и др.) теории «договора» (*Демокрит, Аристотель*). С деятельностью стоиков (III в. до н.э.) связывается выделение собственных имен в особый класс слов в противоположность «нарицанию», а также зарождение этимологического анализа, направленного на постижение семантической природы языка. Однако, не выработав твердых принципов этимологических исследований, стоики допускали произвольные толкования первичных значений слов, чем вызвали критичное отно-

шение современников к своим изысканиям [2, с. 13].

Практически все проблемные узлы теории имени обнаружил родоначальник античного идеализма *Платон* (ок. 427 – ок. 347 до н.э.) в «Седьмом письме» и корпусе диалогов «Кратил», «Софист», «Государство», «Федр». Работы, имеющие отношение к имени, представляют собой неотъемлемый компонент философской системы Платона и базируются на следующих предпосылках:

1) имена даны нам или предлагаются нами самими до начала познавательного процесса;

2) как таковые, имена уже располагают некоторым знанием;

3) это знание опосредуется Идеями.

Срединное, опосредующее положение имен, располагающихся между называемой вещью и знанием о ней, имманентным и трансцендентным, наиболее полно проанализировано в «Седьмом письме», где описывается так называемая философская дигрессия, или, иными словами, «лестница познания»: «Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень – это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое – это имя, второе – определение, третье – изображение...» [цит. по: 3, с. 17–18].

В диалоге «Кратил» Платон проследживает два ракурса проблемы посредничества имен: их приложение к объектам / вещам повседневного мира и связь с Идеями. Проблематизация этих ракурсов осуществляется путем столкновения двух различных интерпретаций имени, представленных Кратилом («имя есть выражение вещи») и Гермогеном («имена конвенциональны и имеют значение, по поводу которого согласны те, кто договорился относительно них» [цит. по: 3, с. 19]). Развенчивая указанные точки зрения, отвергающие, хоть и по совершенно разным причинам, само существование ложных имен, Сократ выражает точку зрения Платона. Обращаясь к идее двух языков (обыденного языка, именуемого

«вещи в движении», и языка, обращенного к тому, что относится к «вещам в покое», и выражает Идеи), Сократ подчеркивает, что прямое и непосредственное отношение к Идеям имеют только божественные имена, именованья же, которыми пользуются люди, характеризуются только определенной близостью к Идеям, могут быть существенно удалены от последних. Пригодность имени для номинации измеряется его способностью быть одновременно обращенным к Идею и «вещи в движении» и выражать их обеих. Чрезвычайно важными для теории Платона являются параметры истинности / ложности и правильности / неправильности, исходя из которых устанавливаются типы имен, варьирующиеся от неистинных и неправильных до истинных и правильных. В диалоге «Кратил» обнаруживаются и своеобразные представления автора о мотивировке имен, которые едва ли можно считать научными. Однако, по замечанию Е. Гурко, «...намерения Платона заключаются не в том, чтобы обнаружить полное сущностное знание, содержащееся в именах, а в том, чтобы возвести имена в ранг знания за счет доказательства их связи с Идеями, связи пусть самой отдаленной, но зато первичной...» [3, с. 34].

Семантика привлекала к себе особое внимание во всех философских и лингвистических традициях. На мысли о существовании причинных связей в процессе номинации были основаны «исправления имен» в Китае, когда девиз правления императора в случае, если оно было несчастливим, объявлялся «неправильным» и изменялся. Ибн Джинни, крупный арабский ученый-языковед конца X – начала XI в., исходил из того, что исконную связь с конкретными понятиями имеют комбинации из нескольких согласных звуков независимо от их порядка, в связи с чем предпринимал попытки выявить семантические связи между словами, где в произвольном порядке располагались одинаковые корневые согласные звуки [4, с. 31].

На основе представлений о связи имени с денотатом сложилось несколько полярных концепций, объединяющих философов, лингвистов и логиков разных эпох:

1. Теория, согласно которой собственные имена не имеют значения, в отличие от нарицательных, обозначающих предмет и подразумевающих атрибут (*Дж. С. Милл*). – Теория, согласно которой собственные имена имеют большее значение, чем нарицательные (*стоики*, римский грамматик IV в. *Диомед*, *Х. Джозеф*, *Г. Суит*, *О. Есперсен*, *М. Брель*).

2. Теория, согласно которой каждое имя исключительно индивидуально (*стоики*, *Дионисий Фракийский*, *Аполлоний Дискол*, *римские грамматик Диомед*, *Донат*, *Консентий*, *грамматик Пор-Рояля*, *Г. Суит*). – Теория, согласно которой все имена собственные – синонимы (*К. Тоггею*).

3. Теория произвольности собственных имен (*О. Есперсен*, *П. Кристоферсен*, *А. Гардинер*). – Теория строгой мотивированности собственных имен (восходит к греческой теории «по природе», возрождается в XX в. в противоположность концепции произвольности) [5, с. 88].

Перечисленные подходы, ставящие во главу угла противоположные сущностные признаки личного имени, подробно изложены в работах А.В. Суперанской [5, с. 45–91], В.Д. Бондалетова [6, с. 11–15]. Совершенно справедлив вывод А.В. Суперанской о том, что каждый из подходов содержит рациональное зерно и может быть верным «в каких-то условиях, для каких-то лексических групп, при принятии каких-то ограничений» [5, с. 88].

В советский период развития общества из проблемного поля ономастики в силу социально-политических обстоятельств и утилитарно-прагматического отношения к языку была исключена философия имени, концептуальные положения которой получили развитие в

трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева. Философия имени – самобытное течение русской философской мысли начала XX в. – возникла в связи с необходимостью решения вопросов об онтологической природе слова и имени, появившихся в рамках теологического спора о сущности Имени Божия. Поводом для спора послужил выход в свет книги схимонаха Иллариона «На горах Кавказа» (1-е изд. – 1907 г., 2-е изд. – 1910 г.), в которой описывался опыт Иисусовой молитвы и было высказано положение о том, что «в Имени Божиим присутствует Сам Бог – всем Своим Существом и всеми Своими бесконечными свойствами» [7, с. 205]. В результате оживленных дискуссий об оправданности данного тезиса в церкви столкнулись две богословские позиции: имяславие, защищавшее идею о бытовании Божественных свойств в Имени Божиим, а также имяборчество, рассматривавшее ее как ересь идолопоклонства. Несмотря на то, что последняя точка зрения с некоторыми оговорками была принята Святейшим синодом, имяславская доктрина, выйдя за пределы церковно-догматической проблематики, получила дальнейшую разработку в области лингвофилософии. В работах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева философия имени разворачивается вокруг осмысления «магичности» [8, с. 38] как Имени Божия, так и человеческих имен, последовательно раскрывается энергичная связь между словом и обозначаемой им сущностью, между именем человека, его психофизическими особенностями и биографией, между языком и актуальной действительностью культуры. При этом используемые в рамках философии имени категории несут на себе печать влияния Платона, восточнохристианской патристики, западноевропейской философской мысли начала XX в.

Лейтмотивом понимания имени у П.А. Флоренского (1882–1937) может считаться тезис о неотделимости имени от именуемого. Он подчеркивает, что «имена выражают типы бытия личност-

ного»

[9, с. 93], предопределяют личность и намечают идеальные границы ее жизни, не лишая при этом свободы нравственного выбора: «Верхний полюс имени – чистый индивидуальный луч божественного света, первообраз совершенства, мерцающий в святом данного имени. Нижний полюс того же имени уходит в геенну, как полное извращение божественной истины данного имени, но и тут остается инвариантным. Между верхним и нижним полюсом помещается точка нравственного безразличия, тоже по своему предел, около которого ...собираются обыкновенные средние люди» [9, с. 116–117]. П.А. Флоренский называет имя сгущенным словом, которое есть «неустанная играющая энергия духа», и уподобляет его образованиям органическим, «столь же приспособляющимся к внешним условиям, как и неизменным в своем морфологическом типе»: «...оно находит в себе энергию жизни и перерабатывается приспособительно к условиям страны, народности, духа времени, наследственности, даже применяется к своеобразным оттенкам личных отношений. ...Но нечто от имени остается неприкосновенным» [9, с. 118–119]. Это нечто – изначальная духовная форма имени, стоящая над всеми его частными проявлениями. П.А. Флоренский подчеркивает, что имя состоит из трех «элементов», сочетающихся в живом неразрывном единстве: из звуковой оболочки, наших представлений и благодати [10, с. 313]. В своем понимании имени (и шире – слова) он близок к выдающемуся лингвисту В. фон Гумбольдту, рассматривавшему язык в неразрывной связи с духом и культурой народа.

Итогом многолетней работы А.Ф. Лосева по построению диалектической системы слова-имени явились труды «Философия имени» (впервые вышла в 1927 г.) и «Вещь и имя» (написана в конце 20-х гг., опубликована в 1993 г.). А.Ф. Лосев отказывается от традиционной трактовки слова как комплекса звуков, объединенных конкретным значением, на том

основании, что она не раскрывает социальной природы слова. Наиболее приемлемым А.Ф. Лосев считает определение слова как смысла, ведь «дойти до слова и значит дойти до смысла» [11, с. 161]. Имя и слово в «Философии имени» нередко выступают в одном понятийном контексте, не становясь тем не менее синонимами: имя – лишь один из видов слова; если слово есть смысл, понимаемая сущность, то имя – это сердцевина сущности. В нем «сгущена и нагнетена квинтэссенция как человечески-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [11, с. 33]. А.Ф. Лосев трактует имя (слово) как живой нерв реального опыта, мост между субъектом и объектом познания: знать имя – значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле, имя и есть «сама вещь в аспекте своей понятности для других, в аспекте своей общительности со всем прочим» [11, с. 185]. Поскольку все в мире (люди, животные, растения, неодушевленные предметы) являет собой смысл и его выражение, сам мир в свою очередь есть имя и слово, лестница разной степени ономастизма, вершина которой представлена сверхумным именем, а низшая ступень – неживой вещью: «Животное в меньшей мере есть смысл, чем человек; растение в меньшей мере смысл, чем животное... Ум и умное – высшая степень сущности, смысла, имени – в «ином». Ощущение – менее сущность, чем мышление. Раздражение – еще менее сущность, чем ощущение. Но и раздражение есть как-то смысл, и ощущение есть как-то сущность и имя, и мышление есть как-то эйдос первоначальной сущности и ее имени» [11, с. 155–156]. Центральной идеей в «Философии имени» является пришедшее из античности представление о некоем светоподобном сиянии имени как эйдоса (идеи) на фоне меона (инобытия), мрак которого в этом сиянии преодолевается: «Имя перво-сущности сияет во всей своей нетронутости предвечного света в инобытийной своей мощности, преодолевшей тьму меона. ...И нет никакого иного

имени под небесами, кроме этого, о нем же подобает спастися нам» [11, с. 87–88].

На основе изучения данных филологических исследований библейских текстов А.Ф. Лосев в работе «Вещь и имя» постулирует три основных значения имени в этих текстах: эйдетическое (световое), энергийное, телеологическое. Эйдетическое значение выражается в том, что Имя Божие предстает как «свет существа Божия, образ и явление Бога, выражение и начертание неименованной и непостижимой сущности Божией» [12, с. 355]. Энергийное значение предполагает, что Имя Божие понимается как «активная сила и могущество естества Божия» [12, с. 361] (отсюда вытекает магическая функция имени, реализуемая в заклинаниях, при богослужении, совершении таинств). В смысле же телеологическом Имя есть «...то светлое и божественное бытие, к которому движется всякое иное бытие и которое как бы издали руководит миром и привлекает его к себе» [12, с. 366].

Многие наблюдения философов-имяславцев над языком оказались значимыми для современной лингвистики и ономастики, в первую очередь это раскрытие глубинной природы языка внутри философии как общая методологическая основа анализа языкового материала, поворот к антропологической ориентации в изучении языка, повышенное внимание к проблеме символа, особенно актуальной в философско-культурологическом контексте XX в. в связи с разработками в области герменевтики, семиотики, текстологии культуры, теории сознания; идеи о ведущей роли языка в формировании культуры и т.д.

В последней четверти XX – начале XXI в. религия переживает небывалый в новейшей истории подъем. Обращение к вопросам религии, относящимся к поиску имени Бога и определению его места во всеобщей истории именования, присуще последнему этапу творчества французского философа Жака Деррида (1930–2004), основоположника и ведущего теоретика деконструктивизма. В про-

тивовес устоявшемуся мнению об анти-религиозной направленности деконструкции, развивающей в том числе идеи нищезанятия, проблема имени Бога занимает центральное место в работах Деррида 80–90-х гг. XX в. «Трилогия имени», «Как избежать разговора: денегации». По мнению Ж. Деррида, Бог – причина всего сущего – инициирует язык, в своем имени и посредством его приглашает нас принять участие в божественной игре, разворачивающейся в языке. Имя Бога выступает наиболее убедительным доказательством существования Бога, образцом любого именования. Исключительно Бог обладает исчерпывающим знанием того, что он еще только собирается создать. Но, даже если вещи как таковые оказываются недоступными человеку, только он, помимо Бога, способен оперировать значениями в целях осмысливания мира. Именованье «вещей», созданных человеком, столь же важно, как и творение их, ибо, удерживая вещи в именах, человек сохраняет свой мир – *différance* – «несуществующий мир не-Бытия» [3, с. 409–432]. Имя собственное в философском проекте Ж. Деррида есть не только имя личное, но чаще всего в глобальном смысле – имя как таковое в той мере, в какой оно соответствует денотату, не искажает его. «Открыть имя – не значит найти что-то в нем; то, что обнаруживается в нем, – не нечто, а ничто, пропасть бесконечности вещи как таковой» [цит. по: 3, с. 340].

Заключение. Таким образом, проблемы номинации, начиная с трудов древнегреческих и древнеримских ученых, оказываются неразрывно связанными с глубинными аспектами существования мира и Бога, воспринимаются не только как лингвистические, но и как логико-философские. В новейших ономастических исследованиях консенсус относительно семасиологической концепции имени пока не достигнут, однако очевидны пробы возвращения отечествен-

ных ономастов к представлениям о языке основоположников философии имени.

Литература

1. Ратникова, И.Э. Имя собственное в разных типах сознания / И.Э. Ратникова // Русский язык и литература. – 2001. – № 1. – С. 103–112.
2. Березин, Ф.М. История лингвистических учений: учебник для филол. спец. вузов / Ф.М. Березин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1984. – 319 с.
3. Гурко, Е.Н. Божественная ономастология: Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции / Е.Н. Гурко. – Минск: Экономпресс, 2006. – 448 с.
4. Алпатов, В.М. История лингвистических учений: учеб. пособие / В.М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 367 с.
5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская; отв. ред. А.А. Реформатский. – 3-е изд., испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
6. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
7. Чупахина, Н.А. «Спор об имени» в русской философии начала XX в. / Н.А. Чупахина // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 6, вып. 3, Философия. Политология. Социология. Психология. Право. Международные отношения. – 2007. – С. 205–210.
8. Комков, О.А. Из истории русской философии имени: раннее творчество А.Ф. Лосева / О.А. Комков // Вестн. МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 37–50.
9. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – СПб.: Авалонь: Азбука-классика, 2007. – 336 с.
10. Флоренский, П.А. Сочинения: в 4 т. / П.А. Флоренский; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 1999. – Т. 3(1). – 621 с.
11. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
12. Лосев, А.Ф. Личность и абсолют / А.Ф. Лосев; сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1999. – 719 с.

Поступила в редакцию 07.02.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.